

В зинаменательную двадцатую годовщину освобождения Киева от фашистских захватчиков на сцене Русского драматического театра имени Леси Украинки прошла премьера драмы В. Собоко «Киевская тетрадь». Зритель встретился с ожившими образами тех, кто своим подвигом, несравненным мужеством, терпением, находчивостью помог великому делу победы над врагом.

История героической борьбы киевской группы подпольщиков, воплощенная на сцене, — очень ответственный экзамен для театра. В зале были и некоторые из активных участников подполья, избегнувшие трагической гибели от рук гестапо. А все те, кто впервые знакомился с этой страницей истории родного города, ожидали живого, волнующего рассказа о подвиге людей, ставших «душою, гордостью, легендой».

Обессмертить этот подвиг средствами искусства — вот к чему стремились создатели спектакля (постановщик Н. Соколов, художник Д. Боровский).

Летопись истории подпольной борьбы на временно оккупированной врагом территории имеет уже свою богатую традицию в советской драматургии и театре, и «Киевская тетрадь» в главном продолжает эту традицию на новом материале. Одна из существенных черт этой традиции — убежденность в народности борьбы, которую вели советские люди в тылу врага, и уверенность в нашей непобедимости. Нет, не одиночество героя, как во

СТРАНИЦЫ «КИЕВСКОЙ ТЕТРАДИ»

многих зарубежных драмах и фильмах о Сопротивлении, а именно ощущение общности в великом деле.

В спектакле, о котором идет речь, есть поистине великолепные находки. Это, прежде всего, образ старого железнодорожника Ивана Мазниченко («Деда»), которого со свой-

ственным ему тонким комедийным мастерством играет В. Халатов. На первый взгляд чудаковатый балагур, он оказывается одним из надежнейших борцов подполья, человеком тонкого ума и большого сердца.

Молодая актриса М. Светаева в роли совсем юной девушки Вали, постепенно вовлекаемой в большие дела, проявила чудесное дарование, полное простоты и искренности. И еще одна большая удача: баба Ульяна, сыгранная Е. Гурейкиной. Спокойная, мудрая уверенность, предельная честность и сила духа — так убедительны эти черты украинской немолодой селянки, что доверие к ней рождается само собой, и мы понимаем, почему «Максим» (кличка Ивана Кудели) привлекает ее к работе: уж она-то не подведет!

Можно спорить о том, насколько правомерен принцип отбора жизненных фактов, которым руководился драматург, создавая драму «Киевская тетрадь». Справедливы, быть может, и некоторые упреки автору и театру в недостаточной психологической глубине обрисовки центральных образов пьесы — Раисы Закипной и Ивана Кудели. Однако нельзя забывать, что сама жизнь разведчиков под неусыпным взором гестапо была полна головокружительных неожиданностей, требовавших мгновенной реакции и не оставлявших времени для углубленных раздумий... Так что не от стремления к «занимательности» идет острозаметная композиция пьесы и почти каждого ее эпизода этот напряженный, ускоренный «темпо-ритм» спектакля. Захватывающая увлекательность сюжетного построения «Киевской тетради» не только не мешает, а даже помогает созданию атмосферы душевной активности зрительного зала, которая, к сожалению, частенько отсутствует на спектаклях, построенных «беспорно», но скучновато.